

Лыков, Слегов и другие

Источник: Панков В. Лыков, Слегов и другие / В. Панков // Знамя. — 1968. — № 10. — С. 236-244.

1

Большинство глав в повести Владимира Тендрякова «Кончина» названо именами действующих лиц: «Матвей Студенкин — родоначальник», «Иван Слегов», «Чистых-старший, проходящий стороной по истории», «Чистых-младший», «Пашка Жоров и другие», «Лыков-младший», «Алька Студенкина и другие»...

Имя главного героя, Евлампия, в просторечии Пйико Лыкова, не обозначено ни в одном из заглавий. Но именно он — главный. О нем прежде всего повесть. О нем воспоминания, раздумья, спор всех, особенно «и других» персонажей.

Вообще, о Лыкове в повести говорят многие и много. Оценки сталкиваются, противоборствуют, нередко поражают неожиданностью.

Казалось бы, Чистых-старший не может питать симпатий к Лыкову, а между тем ошеломляет сына признанием: «А не приходит в твою подлую башку простая мысль, что я уважаю Евлампия Лыкова?»

При всей враждебности к Евлампии Иван Слегов удивляет жену самой мыслью о своем сходстве с ним: «Иль не схожи? Близнецы же, не отличишь. И то больно уж долго в одном горшке варились».

Сразу надо сказать: общая оценка Лыкова будет далеко не полной, если прислушиваться только к отдельным репликам персонажей. Она возникает постепенно из сопоставления их мнений, а особенно из

действий самого человека, к которому приковано основное внимание в повести.

В. Тендряков не впервые выступает с произведениями о деревне. Большая часть его книг о ней. Повесть же «Кончина» содержит некоторые, так сказать, и внешние знаки, указывающие на связь ее с прежними сочинениями автора.

Мы уже встречали у него село Пожары, где происходят события, а также конфликт председателя и главного бухгалтера колхоза. Только имена их были иными: Иван Маркелович Чупров и Никодим Аксенович Ляпин. Колхоз назывался «Красная заря». Так было в рассказе «Падение Ивана Чупрова», публикация которого в 1953 году принесла известность автору.

Повесть «Кончина» — это снова село Пожары. Но колхоз другой — «Власть труда». И персонажи, хотя они остаются председателем и бухгалтером, все же иные — Евлампий Никитич Лыков и Иван Иванович Слегов. Впрочем, колхоз «Власть труда» встречался у Тендрякова и в рассказе «Ненастье». Разумеется, из одних названий да имен еще нельзя делать исчерпывающих выводов о содержании самих произведений.

Однако при чтении «Кончины» вспомнить «Падение Ивана Чупрова» вполне уместно: в обоих случаях показано моральное падение иных «удачливых» председателей, их ловкачество, темные махинации и словно роковая зависимость от бухгалтеров. Правда, Чупров пережил муки разоблачения при жизни, да и судьба его была иной, не лыковской: жульничал сначала

якобы для колхоза, потом для себя, а бухгалтер Никодим Аксенович все глубже затягивал его в омут и сам отхватывал все большие кусы артельного пирога.

В. Тендряков лишь частично использовал прежнюю ситуацию, поэтому Лыков отдаленно напоминает Чупрова, а Слегов — Ляпина. И это понятно: в «Кончине» дело не ограничивается моральным падением руководителя колхоза. Здесь развернут, на протяжении тридцати лет ретроспективно прослежен жизненный путь Лыкова, а одновременно с ним и Слегова, несостоявшегося «вождя деревни». Мотив личного корыстолюбия не только не подчеркивается, но отвергается при обрисовке Слегова, Лыкова и даже именуемого лизоблюдом Валерия Чистых.

Что ж, писатели довольно часто возвращаются к волнующим их темам, а значит, и к сходным характерам, которые они уже изображали. Такой способ писательской работы плох, если тот или иной автор повторяется, ходит по привычному кругу, не добавляет ничего нового к прежнему. Так возникают автошаблоны, самокопии. Но тот же способ бывает весьма плодотворен при неустанном художественном исследовании глубоко, долговременно интересующих писателя тем. Автор как бы вновь и вновь входит в один и тот же дом, но всякий раз отличает в нем новизну атмосферы, человеческих отношений, психологических процессов¹.

У В. Тендрякова также ощутима приверженность к определенным темам и характерам. Случалось, критики писали о «Тендрякове старом» и «Тендрякове новом». Правда, демаркационная линия оказывалась зыбкой, ибо она должна была разграничить социальные и нравственные мотивы, на самом деле всегда тесно связанные.

¹ О развитии, углублении излюбленных тем и характеров интересно говорить, скажем, на таких примерах, как первая и вторая книги «Поднятой целины» М. Шолохова. «Первые радости», «Необыкновенное лето» и «Костер» К. Федина, «Морская душа» и «Зеленый луч» Л. Соболева, «С фронтовым приветом» и «Районные будни» В. Овечкина, «Дни и ночи», «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются» К. Симонова, «Товарищ Елкин» и «Знакомьтесь, Валуев» В. Кожевникова, «Строговы» и «Соль земли» Г. Маркова, «Вишневый омут» и «Хлеб — имя существительное», «Кариюха» М. Алексеева, «Искатели» и «Иду на грозу» Д. Гранина, «Повесть о настоящем человеке» и «Доктор Вера» Б. Полевого...

Разумеется, кратким напоминанием отдельных книг я не хочу сказать, что у названных и многих других писателей дело сводится к работе только над темами и характерами какого-либо одного ряда. Речь идет именно об углубленном художественном освоении многообразия жизненного матерьяла.

К каким бы жизненным явлениям ни обращался В. Тендряков, у него всегда наиболее подчеркнуты темы моральные, заостряется внимание на мотивах поведения людей в сложных ситуациях.

Таким образом, сам факт возвращения автора в село Пожары, а отчасти и к избранным ранее характерам (дело не в именах персонажей) свидетельствует о желании писателя по-новому осветить проблемы, к которым он уже прикасался. Поэтому целесообразно сразу обозначить некоторые сходства и различия «Кончины» с предыдущими произведениями В. Тендрякова. А они не случайны: эти сходства и различия говорят не только об использовании автором собственного художественного опыта, но и о стремлении овладеть новой формой повествования. Наиболее очевидно сказывается это в композиции «Кончины».

«Не ко двору», «Ухабы», «Чудотворная», «Тройка, семерка, туз», «Суд», «Короткое замыкание», «Поденка — век короткий» — все это сжатые, туго спрессованные по времени действия повести и рассказы. Порой драматические события укладывались в один сутки. Острота их ситуаций производила впечатление короткого замыкания, которое резко обнажало сложные обстоятельства и характеры. Однако автор не сводил свою роль к моментальному фотграфированию персонажей. В тугой узел драматических сюжетов он включал как бы предшествующее время, формировавшее характеры тех, кто оказывался в зоне короткого замыкания. Пристрастие к неожиданному, сложно запутанному, нередко словно экспериментально заостренным ситуациям сочетается у В. Тендрякова с довольно подробным освещением истории характеров. Ведь так узнавали мы Федора Соловейкова, Андрея Бирюкова, Семена Тетерина, Игната Гмызина, Соковина, Столярского и многих других людей у В. Тендрякова. На первый взгляд почти так же построена «Кончина». Внешне события предельно сконцентрированы: в деревне Пожары умирает знаменитый председатель колхоза «Власть труда» Евампий Никитич Лыков. Болезнь, смерть, похороны — всего-то несколько дней. А между тем перед нами проходит история колхоза за тридцать с лишним лет.

Несомненно, В. Тендряков опирался здесь на свой предыдущий художественный опыт, особенно на свою привычную манеру туго закручивать пружины сюжета.

«И тут-то разнеслась весть — умирает.

Со всех концов большого колхоза — из самого села Пожары, из Доровищ, из Петраковской — потянулись доброты под окна лыковского дома. Каждому ясно — жди перемен».

Однако во всем другом, и более всего в истории характеров, в истории колхоза, В. Тендряков обратился к иной, по сравнению с прежними своими книгами, композиции повести. Никогда ранее, даже в романе «За бегущим днем» и в повести «Тугой узел», он не брал столь большой отрезок времени, не отходил так далеко в прошлое, не прослеживал истории характеров за целые десятилетия. Кстати, тридцать лет — это в повести говорится только о сотрудничестве Лыкова и Слегова. А фактически у автора есть вторжения и в годы более далекие, даже дореволюционные.

Отвлеченно рассуждать, хороша или плоха такая композиция, нет смысла. Другое дело, удалась ли она автору?

С этим вопросом мы не раз будем сталкиваться и при обращении к этапам жизни колхоза и к конкретным характерам. Но нельзя уже сразу не отметить: повесть распадается на недостаточно связанные между собой фрагменты; одни персонажи, скажем, Иван Слегов, выписаны детально, другие, весьма важные в истории колхоза, например, Матвей Студенкин, Сергей Лыков, явно недорисованы. Кроме того, в повести перемешано или бегло затронуто столько вопросов, что мысль читателя постепенно рассеивается; ее сбивает неточная авторская настройка изобразительного фокуса.

Новый художественный поиск автора, его стремление создать широкопанорамное, историко-обозревательное полотно заслуживают внимания. Вместе с тем очевидно — поиск этот далеко не завершен. Поэтому в значительной мере придется говорить о художественных недостатках повести. Они не в частности. Как раз если рассматривать повесть по фрагментам, по отдельным частям, то довольно часто взгляд может задержаться на лаконичных, сильных эпизодах. Но из них не складывается историко-достоверное, убедительное, цельное повествование. Кажется оно беглым, неточным конспектом значительных этапов в истории нашей деревни.

И резко бросается в глаза художественное противоречие книги: автор стремится передать движение времени, часто включает смену планов — то действие течет в настоящем, то возвращается к прошлому, — а на самом деле повесть кажется статич-

ной. Это прежде всего связано с тем, что статичны характеры: время шумит над ними, но, в сущности, не меняет их. Получается так, что время движется лишь календарно, без заметного влияния на людей, их внутренний мир. Даже Лыков, поначалу характер движущийся, любопытный, с середины 30-х годов остается словно на одной и той же душевной отметке. Прибавляется только счет его прегрешениям, его махинациям — якобы на пользу колхозу, — как в годы тридцатые, так и в годы военные, послевоенные.

Усиливается впечатление статичности повести и от того, что Пожары показываются изолированно, как-то вне жизни страны — сложной, бурной, быстротекущей, — и возникает ощущение, будто судьбу колхоза, судьбу деревни определяют лишь замысли. практика, хитрости Слегова да Лыкова.

Здесь и далее мы не стали бы говорить о том, чего в повести нет. Но, поскольку писатель, занимаясь по преимуществу жизнью Лыкова, прослеживая его формальный путь вверх и моральный путь вниз, сам настраивает нас воспринимать Пожары в ретроспективном ракурсе, у читателя закономерно возникает вопрос: почему же пропущены, оставлены в стороне важнейшие общественные явления? Неужели они проходили мимо Пожар, не задевали их, не накладывали на них свой отпечаток? Пропущено подобного рода особенно ощутимы в панораме 50-х годов. Годы эти пролетают в повести незаметно.

Применительно к такому писателю, как В. Тендряков, мне не хотелось бы прибегать к словам о схематизме сюжета и характеров. Его прежние произведения менее всего заслуживают упрека в этом, они интересны именно психологической проницательностью. А вот при анализе «Кончины» от разговора о схематизме не уйти.

В какой-то степени он явился результатом того, что автор не совладал с пространной по времени композицией. Но есть причина и другая: автор ограниченно, схематично обозначил этапы колхозного развития, пусть даже в одних Пожарах. Отсюда коммуна выглядит только как бедствие, пример развала, а «лыковский период» только как сплошная афера, затянувшаяся на многие годы.

Надо сказать, схема тем и опасна в литературном творчестве, что она по-своему влияет на отбор эпизодов, на обрисовку характеров, на эмоциональную тональность произведений.

2

Сама повесть заставляет читателя подробней всего заниматься отношениями Лыкова и Слегова. Заставляет, потому что с ними связан основной драматический сюжет.

В свое время молодой председатель колхоза Пийко Лыков пасхальной ночью застал Ивана Слегова за поджогом конюшни, огрел его по спине оглоблей, искалечил на всю жизнь — отнялись у Ивана ноги.

Но тот же Пийко спас его от суда. Логика у него как будто простая, но хитроумная: «Посажу тебя счетоводом... Лапки-то у тебя попорчены, а вот голова цела». С этого, собственно, и начинается сначала составление двух характеров в Пожарах, затем совместное правление колхозом состоявшегося и несостоявшегося «вождей деревни».

Да, поначалу эта история резко обнажает остроту классовой борьбы в деревне в годы коллективизации. Слегов был дальновидным кулаком. Он заранее свернул свое крупное хозяйство и мечтал — вот-вот изберут его председателем артели. Но односельчане доверились не ему, а Лыкову. Иван для них — «белая ворона».

И тем не менее именно Иван невидимыми руками Лыкова стал править колхозом. Он научил Пийко обходить законы, устраивать выгодные для колхоза сделки, создавать в колхозе «такую завкасочку, что раз попробуешь — навек косоротым станешь».

И вот именно Иван Иванович первым стремится проникнуть к постели больного Евлампия. Вместе с лыковским замом Валерием Чистых они выставляют из дома всех посторонних. Кажется, вот Иван Слегов выскажет умирающему все, что истинно думал о нем, завершит спор с Лыковым перед отходом последнего в вечность да и себя как-то поднимет наконец в собственных глазах. Действие повести во многом подчинено слеговским попыткам на беспощадное интервью с умирающим. Недаром Иван Иванович бросает фразу: «Тридцать лет каждый день, а сказать все друг дружке так и не успели... Кой-что осталось...»

Последняя беседа врагов-друзей, однако, не состоится. Но ею, подобной беседой, как бы и является сама повесть. Это воспоминания Ивана Слегова, Валерия Чистых, Сергея Лыкова, Альки Студенкиной и других о Евлампии Лыкове, воспоминания, создающие его образ.

Но, сколько бы ни уделялось места «другим», основным спутником Лыкова остается Иван Слегов. Их конфликт, невидимо тлев-

ший тридцать лет, вытесняет из повести многие другие важные события.

Однако конфликт ли это? В сущности, он завершился уже тогда, когда Лыков сделал Слегова своим «посохом». Дальше следуют лишь иллюстрации необъятного слеговского влияния, словно за минувшие тридцать лет не сменилось в Пожарах целого крестьянского поколения, ничего в деревне не передельвалось под воздействием коллективизации. Как это ни странно, частые напоминания автором о тридцати годах не кажутся убедительными, ибо из них исключена атмосфера перемен.

Постоянное подчеркивание «необыкновенной» роли Ивана Слегова становится неоправданным да и не заключает в себе уже никаких новых поворотов мысли, сюжета, действия.

Слегов, как личность, давно утрачивает интерес. «Через него» автору уже трудно следить за движением времени, а между тем Слегову отдается все больше внимания.

Из множества настойчивых величальных оценок создается впечатление, что Иван Слегов, невидимый за околицей Пожар, в сущности, влиятельней Евлампия Лыкова. Все превозносят Ивана. В минуты откровения Евлампий признавался: «Ты, Иван, мой посох, без тебя я так далеко бы не ушагал». Другие персонажи не менее щедры на похвалы: «Кого ни посадят в председатели — любой без тебя как без рук». «В прежние-то годы жизнь наша шла, как часы, — снаружи стрелки, внутри пружина. Евлампий Никитич нашими стрелками был, на виду, на примете, время по нему узнавали. А пружина... пружиной-то колхоза, всем это известно, вы были, Иван Иванович!»

В общем, куда ни кинь, все клин — все Слегов, Слегов, Слегов. Между тем постоянно он становится персонажем надоедливым, докучливым — этот малоинтересный Наполеон в душе.

Начало конфликта между Лыковым и Слеговым обещало спор о путях деревни. Но фактически спор, более того, борьба принципиально разных точек зрения на колхоз не состоялись. Слегов полностью подчинил себе Лыкова. Колхоз в Пожарах утратил черты социалистического хозяйства.

Колхоз «Власть труда» словно вынесен на какой-то остров. Никто же, ни райком, ни обком, ни центральная власть, не может на него влиять. Что захотят Лыков со Слеговым, то и делается. Почему случилось так, что у В. Тендрякова в этой повести совсем исчезли образы людей, представляющих об-

щественные, партийные, советские организации? Только в 30-х годах мелькнул секретарь обкома партии, да немного помявчил на горизонте секретарь райкома Чистыхстарший. После того как будто уже никакие власти, никакие общественные и государственные отношения не затрагивали прославленный колхоз.

В повести встречаются штрихи, заметки, реплики, свидетельствующие о стремлении автора избежать схематизма в обрисовке Лыкова, представить его объемно, а не только одними теньевыми чертами. «Была и беззаветность, не откажешь...», — говорится в конце повести. Не случайны, конечно, сложные переживания односельчан на похоронах Лыкова. «Давит мелкие слезинки костлявым кулаком» беспокойный мужичонка Пашка Жоров. «Против воли слезы подтирают к горлу» Сергея. Даже Ксюша заплакала, хотя ей-то Евлампий досадил немало.

Но при всех этих заметках Лыков остается образом одноцветно мрачным. Под конец повести Евлампий — вместилище уже всех пороков: в делах — воротила лжеколхоза, в быту — развратник, в отношениях с детьми — полный банкрот, сыновья его топорами убивают шофера Леху Шаблова, отцовского наперсника.

Нетрудно заметить: в первой половине повести образ Лыкова выглядит более живым, разносторонним. Там он не отделен глухой стеной от других персонажей. А дальше все больше нарастает изоляция как в изображении Лыкова, так и Пожар.

Жесткая, сугубо ограниченная схема конфликта Лыков — Слегов отняла у автора возможность вторгаться в другие области жизни. Вторжение любого непожарского персонажа уже поломало бы эту схему; а В. Тендряков ревниво оберегает ее, боится от нее отступить.

Особенно большая потеря для повести то, что конфликт племянника Сергея Лыкова со своим дядей-председателем остался одним из тех фрагментов, которые не получили развития. Сергей мог бы явиться достойным и идейным и нравственным антиподом Евлампию, однако Сергей «отведен» автором с главного направления борьбы, и лишь пощечиной дяде исчерпывается его мужество — мужество смелого в прошлом летчика, хорошего колхозного бригадира, селекционера.

Критическое освещение жизни людей, подобных Лыкову, уверовавших в свою непогрешимость, проявляющих деспотические черты характера, не является открытием одного В. Тендрякова. Подобные характеры

многообразно разработаны в советской литературе.

История Лыкова по-своему поучительна и показывает, как игнорирование советских принципов жизни приводит к измельчению самозитой личности, к моральному падению. При этом сложность конфликта не ограничивается судьбой одного человека: казалось бы, Лыков работает с полной отдачей сил, не знает покоя, не стяжатель. Сердце его сдало не от забот о своем доме — старается он для колхоза. Внешне у него создается впечатление, что он достигает цели — хозяйство артели крепко, устойчиво. По сути же дела, Лыков отделил от подлинной цели, от коллективизма, от социалистического устройства деревни не просто себя, а колхозников. Он разрушает души, идейные основы колхозных принципов. В моральном плане все эти извращения наиболее резко демонстрируются распадом самой лыковской семьи буйством лыковских сыновей. Такой Лыков, безусловно, заслуживает осуждения. Но все дело в том, убедительно ли он изображен.

При анализе «Кончины» закономерно возникает разговор об эмпиризме «правды факта». Художественное заострение оказывается недостаточным, когда игнорируются обстоятельства, с которыми неизбежно сталкивается персонаж. В таком случае и правдивость отдельных фактов становится сомнительной. Не потому, что они не встречаются в жизни, но встречаются-то все-таки не столь высушено, не в подобной изоляции от других явлений действительности. Исключительна бесконтрольность Лыкова на протяжении тридцати лет. Он не сталкивается ни с какими препятствиями, ему ни в чем не приходится искать каких-либо моральных оправданий своих поступков. Как бы ни были ловки махинации, их не спрячешь, о них слухом земля полнится. На делах подобных подрывались деятели и выше Лыкова. У самого же В. Тендрякова в других его повестях картина взаимоотношений людей была реальнее и полнокровнее. В свое время на Ивана Чупрова накатывались волны недовольства колхозников, принципиальных людей в самих Пожарах и в районе. А вокруг Лыкова тишь да гладь. Только вот Сергей пытался стать поперек, да ведь в одиночку, да и кратковременным запалом.

Казалось бы, повесть обращена против всевластия отдельной личности, против искажения колхозной демократии, ложного применения из практики связей коллекти-

визма. Между тем автор совершенно исключил какой-либо иной путь развития колхоза. Если не лыковщина, то как будто уж и нет никаких просветов.

В повести Лыкову расчищена дорога для всего бесчестного, своевольного. Ведь искусственно же уведены с поля боя коммунисты, комсомолцы, даже обычные более или менее активные колхозники. В этом и сказывается неправда факта.

Подобная замкнутая, вылушенная обрисовка характера Лыкова встречается у В. Тендрякова, пожалуй, впервые. Председатель колхоза Артемий Богданович в повести «Подёнка — век короткий» чем-то напоминал Лыкоза, но гостоянно встречался с сопротивлением. Даже запутанная его очковитральскими махинациями Настя Сыроегина стала перечить ему. Конфликт ее обернулся трагически — Настя подожгла ферму. В «Коротком замыкании» Соковин был не менее самовит, деспотичен, но автор не выключал его из борьбы с инакомыслящими. Лыков от всего освобожден — от друзей и от противников, преимущественно одни подхалимы размещены вокруг него на ближней или дальней дистанции: зам Валерий Чистых, шофер Леха Шаблов, секретарша Алька Студенкина... Ну, а Слегов — это ведь не противник...

3

Напомню еще раз: в повести много персонажей, которые обозначены как «и другие». Это вполне естественно: освещение большого периода колхозной жизни ставит перед автором задачу изображения многих лиц. Однако отбор их и сама суть изображения в этой книге несут на себе печать внутренней противоречивости и опять-таки схематизма. Трактовка характеров оказывается под гнетом иллюстративности. Эмоциональное отношение автора к героям далеко не всегда совпадает с теми фактами, которые мы узнаем о них.

Матвей Студенкин поименован колхозным родоначальником. Действительно, он был первым председателем пожарной коммуны и потом колхоза. Но не пошло у него дело, был он сам из маломощных хозяев, и поэтому, как считает автор, не хватило у него ни опыта, ни сметки, ни таланта перевести Пожары на путь коллективизма. Где ему тягаться со Слеговыми...

Студенкин в повести — пылкий вояка, но плохой хозяин. Уж не говоря о том, что довел до упадка свой двор, разорил он и общее хозяйство. Конечно, личной бедар-

ностью одного Матвея как будто легче всего объяснить предлыковские времена в Пожарах. Легче-то легче, однако объяснение зыбко, лишено обобщающей силы, конкретного историзма.

Исторический опыт реальной жизни на чисто из повествования исключен. В двадцатые годы не одни Пожары проходили стадию коммун, товариществ по совместной обработке земли. В самой жизни постепенно вырабатывался наиболее верный тип артельного хозяйства. Даже при том, что целый ряд коммун достигал положительного опыта, от них пришлось отказаться, ибо ни материальный уровень деревни, ни социальный опыт крестьянства еще не были тогда подготовлены для подобной формы хозяйствования.

Автор обрисовывает Студенкина явно односторонне, в инвективном тоне, часто карикатурно. Предстает Матвей, или, как нередко именуется он в повести, Мотька, чудаковатым одиночкой, который якобы диктует деревне все, что захочет. Его речь — выкрики. Его рассуждения — крайний примитив. Основное в его натуре — безжалостность. При таком освещении характера Студенкина покушение кулаков на него (неудавшееся, однако, — вместо Матвея кулаки сожгли в бане его жену) воспринимается скорее как сведение счетов, чем как трагический конфликт периода классового борьбы, борьбы с кулачеством.

После двадцатых годов все остальные десятилетия в жизни Студенкина пропущены. Есть лишь беглое упоминание о работе на почте, на лесозаготовках, учетчиком на маслозаводе, конюхом в колхозе. И смерть его прошла незамеченной: «Здесь вчера без шума, второпях схоронили Матвея Студенкина, первого пожарского председателя, того, кто выдвинул знаменитого Лыкова».

Понятно, что с самого начала образ Студенкина задуман и написан как антитеза Слегову и Лыкову. Вместе с тем ради этой схематично взтой антитезы Студенкин утрачивает черты реального исторического типа действительных родоначальников коллективных форм хозяйства в деревне¹.

¹ Литература наша уделяла и уделяет большое внимание этому типу людей. О них писали М. Горький в цикле «По Союзу Советов», Ф. Гладков в очерке «Коммуна «Авангард». Ф. Панферов в «Бруснах». Классическими стали образы первых организаторов колхозов — Давыдова, Нагульнова, Разметнова из «Поднятой целины» М. Шолохова. Обращаясь к двадцатим годам, нельзя не вспомнить страницы книг М. Стельмаха («Кровь людская — не водица» и другие), Г. Маркова («Отец и сын»), В. Закруткина («Сотворение мира»), Д. Зорина («Русская земля»).

Разумеется, образом одного Студенкина В. Гендряков не может охватить все многообразие характеров «родоначальников». Но и в той мере, в какой дан Студенкин, явно ощутимы его крайняя односторонность, невнимание автора к личности, внутреннему миру этого героя. В нем заострены лишь черты, которые должны формально противостоять хозяйской сметке Лыкова и особенно Слегова, этого кулака «с перебитым хребтом».

В повести есть и другое противопоставление Евлампия Лыкову—уже упоминавшийся нами его племянник Сергей. Поначалу зарождаются теплые лучи в обрисовке этого героя. Скажем более, Сергей написан не столь однолинейно по сравнению с другими персонажами. Его конфликт с дядей нарастает довольно сложно и в значительной мере достоверно. С детства Сергей привык уважать Евлампия Никитича, гордиться им. «Сам Евлампий носил его на руках, катал на «закукорках». Его носил, а своих детей нет...»

И взрослому Сергею Евлампий помогает во всем — учиться в Тимирязевке, заниматься селекцией... Что ни говори, Сергею труднее, чем кому-либо другому, выступить против Евлампия Лыкова. Помимо того, что вообще тяжело преодолеть влияние сложившейся репутации знаменитого председателя, сдерживают Сергея и семейные соображения. Но он решается, ведь он, по замыслу автора,— один за честь, совесть, за правдивость.

Что ж, в такого Сергея, пожалуй, повеишь, ибо видишь, через какие внутренние борения прошли его мысли, насколько он самобытен, самостоятелен.

Однако, подобно другим персонажам повести, Сергей Лыков изображен изолированно от реального движения жизни. И с ним происходит то, что бывает в таких случаях со всеми одиночками: он обессилел.

Чувствуя, что принципиальный накал борьбы между дядей и племянником остыл, не получает продолжения, автор подбрасывает в огонь уже совсем другое горючее — личное столкновение из-за женщины. Евлампий «прислоняется» к молоденькой Ксюше, которая любит Сергея, и он ухаживает за нею. Ситуация, конечно, острая. С дракой. Со сверканием ножа. С пощечиной дяде. Со слезами Ксюши. Но вся беда в том, что ситуация эта открывает шляз мелодраматизму и заслоняет внутреннее развитие Сергея. Недаром после этого он фактически ушел со страниц книги. Отдельные на-

меки на то, что, глядишь, Слегов именно его назовет преемником Евлампия, не очень-то обнадеживают насчет будущего Сергея. Ведь он уже перегорел, и неясно, сможет ли душевно, идейно, творчески разгореться вновь. Да, нельзя не пожалеть, как много упущено автором в этом характере.

К сожалению, немалые упущения ощутили и в других персонажах. Автор «поворачивает» их только теми сторонами, которыми они соприкасаются с Лыковым. Порой факты из жизни действующих лиц заставляют предполагать возможность иного отношения к этим людям, чем в повести. Эмоции автора и читателя не всегда совпадают. Мы уже видели это на примере Матвея Студенкина и Сергея Лыкова.

А возьмите Альку Студенкину. На дальних подступах к главе «Алька Студенкина и другие» нагнетается неприятное впечатление о ней. А более полное знакомство с нею предвещает душераздирающая сцена.

«Иван Иванович взялся было за костыли, хотел решительно подняться, как вдруг по могильно молчащему дому разнеслось надменно визгливое:

— Сводня! Сучка!! Чего тебе здесь а-?. Сгинь с глаз долой!

Чистых даже подпрыгнул от неожиданности. Иван Иванович, навалившись на костыли, двинулся к дверям.

Кричала жена умирающего Лыкова, Ольга,— на тощей шее тугими жгутами налившимися вены, лицо перекошено, с просинью:

— Потерпела я от твоего бесстыдства, потаскушка проклятая! Теперь-то молчать не буду! Жы-ызн мне отравила! Жы-ызн!!»

С этой, так сказать, преамбулой мы можем наконец-то взглянуться в лицо Альки. Лицо мучнисто-бледное, густо подведенные губы багровеют (вариант: «на мучнистом лице — кровоточащая рана губ»), кошачьи с прозеленью глаза стыннут. Таков заранее осуждающий портрет разлучницы, сводни, не молодой, но молодящейся бабенки.

Биография ее укладывается в несколько эпизодов. В. Гендряков умеет впечатляюще передать их. Только один год побыла замужем за Семеном Студенкиным, а потом получила с фронта похоронную о нем. За один счастливый год всю жизнь обихаживала свекра. Ну, а все остальное — при Лыкове, для Лыкова, в роли любовницы, потом сводни.

Однако за этими фактами, преимущественно несимпатичными, остается словно запечатанной душа женщины. Думается, есть в ней нечто большее, чем освещено авто-

ром. И, конечно, если бы автор не стеснял свое освещение одним «лыковским лучом», наверное, в той же Альке он сумел бы открыть больше оттенков характера.

Чаще мелькает перед взором читателя Валерий Чистых. Он непрменный спутник Слегова. Из подхалимов как будто самый подхалимистый. Чистых-младший находится под огнем плотной сатирической мощности. Кто только ни честит его, ни распатронивает его. Даже отец родной бросает Валерию: лизоблюд!..

К подхалиму, лизоблюду, «резиновому» человеку невозможно относиться хорошо. Сам этот характер по-своему выполняет определенную роль в повести, показывает, как подстраивались слабые, услужливые души под Лыкова. Однако эволюция характера Валерия Чистых снята уже тем, что с самого начала предопределено, продиктовано пренебрежительное отношение к нему. Поэтому те моменты, которые указывали когда-то на самостоятельность, на искренность Валерия, очерчиваются в той же пренебрежительной интонации. Но подумаем все-таки над некоторыми фактами.

Валерий рано, лет шестнадцати, остался одиноким из-за ареста отца его, секретаря райкома партии. Голод, одиночество, неприютность толкнули мальчишку на мелкую кражу — вместе с двумя приятелями залез он в колхозную копильню. Лыков не наказывает его, а берет помощником избача.

Видимо, тогда у шестнадцатилетнего подростка было все-таки что-то хорошее, чем-то он увлекался. И впрямь было — остался в деревне, старательно работал. Увлёкся сбором материалов по истории колхоза. Не случайно увлекся, в 30-е годы очень широко велась агитация за создание истории заводов, колхозов, истории гражданской войны... Естественно предположить, что Валерка чистосердечно отдавался этому делу. Но, оказывается, даже в эту золотую пору юности Чистых-младший уже что-то «соображал», будто бы к чему-то приспособлялся. Автор пишет: «К о н е ч н о, Валерка с о о б р а з и л, что Евлампия Никитичу не столь уж интересно будет видеть материалы, где его не упоминают. Поэтому история началась с Евлампия Лыкова» (разрядка моя.— В. П.).

Примечательно это «конечно»: автору не терпится сказать, что Чистых-младший подхалим с первых же шагов. Но из-за этого «не терпится» как раз проигрывает образ — становится однолинейным, «предсказанным» на все остальные части книги. Так и

развертывается по намеченному пунктиру биография Валерки.

Когда образ строится по нужной автору схеме, отрицательным персонажам обычно «везет». Да, везет и Валерию. Мне не приходится долго разыскивать это слово, оно тут же появляется в повести. «Он прошел всю войну с комендантским взводом, с автоматом стоял в карауле у денежного ящика, у штабных землянок, потом получил погони с широкой лычкой — старший сержант, сам не караулит, а руководит караулом. При бомбежке на левом берегу Донца он даже был легко ранен, в госпиталь не пошел, остался при части.

В войну везло Валерию Чистых, после войны начались неудачи».

Впрочем, одна неудача. Послал Валерий жене посылку с хозяйственным мылом, с запрятанными в него золотыми вещичками из тайничка какого-то барона. А жена-дуреха не догадалась, распродала мыло по кусочкам. Неудача эта также знаменательна: раз уж в корне плох Чистых, то должен и стяжать. Правда, с этим не очень вяжутся последующие указания, будто из колхозного добра зампред ничем не пользовался. Но, как уже отмечалось, эта черта свойственна почти всем персонажам — ничем колхозным не пользуются Студенкин, Лыков, Слегов и Чистых-младший тож. Во всяком случае, каждый из них об этом говорит. Мотивы личной корысти основных персонажей автору не нужны в этой повести в отличие от рассказа «Падение Ивана Чупрова», где те же мотивы были особо подчеркнуты.

Вчитываясь в повесть, видишь: писатель, возможно, ощущал, что перед ним возникает опасность однолинейного, схематичного изображения героев, поскольку он прежде всего выделяет лишь тех, кто гибает душевно под гнетом Лыкова. Но конструкция данной повести с ее заданностью стала в какой-то мере уводить автора от многомерной психологической обрисовки характеров. Поэтому Лыков и окружен плотной стеной лыковцев по духу, «резиновых», услужливых приспособленцев вплоть до опричника-шофера Лехи Шаблова.

Поскольку повесть задумана как разоблачение Лыкова, как история его морального падения, автор рисует большинство персонажей критически. Но убедительности в этой критике не хватает. И не хватает потому, что автора интересует не жизнь героев, ему хочется лишь скорее, прямолинейней сказать о вреде лыковской закваски. Поэтому с дороги жизни убрано почти все,

что ей противопоставит. Выпячены в сюжете податливые приспособленцы, да и они, по сути дела, однородны как характеры, «очищены» от личного, индивидуального.

В конечном итоге «Кончина» стала повестью без своеобразных личностей, повестью с несколькими персонажами одного ряда. Пожары выглядят пустыми, безлюдными.

Все это получилось потому, что в «Кончине» В. Тендряков осуществил свой замысел настолько предвзято и схематично, как никогда не бывало этого у него в других произведениях.

4

В предыдущие годы мне не раз приходилось обращаться к произведениям В. Тендрякова, участвовать в дискуссиях о них. При анализе, скажем, романа «За бегущим днем», повестей «Тройка, семерка, туз», «Суд», «Короткое замыкание», «Поденка — век короткий» встречаешься с такими композиционными, психологическими и как бы еще экспериментально-художественными сложностями, в которых не просто разобратся. Но интересно.

Нередко в прежних работах В. Тендрякова создавалась внутренняя противоречивость: изображение не всегда совпадало с выводами. В какой-то мере это становилось результатом творческого эксперимента: помещая героев в «спрессованное время», не все концы с концами успевал сводить автор. Такая внутренняя противоречивость сказывалась в «Тройке...», в «Суде». Однако в целом эти повести захватывали своими ситуациями, содержанием, психологизмом.

Повесть «Кончина» оставляет иное впечатление. Здесь авторский замысел оголен, прямолинеен, персонажи имеют служебное значение, психологически не достоверны как характеры. Конечно, я не хочу сказать, что нет здесь страниц художественных. И все же нельзя не ощущать ту неестественность, с которой под Лыкова согнуты в дугу все пожарцы. В сущности, автор отступил от реальной сложности исторического процесса в деревне.

Трудно говорить о неудаче писателя, обладающего большим опытом. Неожиданно видеть схематизм у автора, создавшего целую галерею психологически убедительных портретов. Но как бы то ни было, недостатки повести «Кончина» обходить невозможно. Они тем более досадны, что В. Тендряков стремился затронуть в своей повести серьезное противоречие, которое советское общество не оставляет без критики, преодолевает всеми своими идейными и моральными силами. Борьба с извращениями, с нарушениями принципов коллективизма была и будет непримиримой. Но мало, а по отношению к самой действительности неправдиво ограничивать ее лишь констатацией «лыковской закваски». Против нее коллективизация давно подняла и умножает силы в самом народе. На пути колхозов было много трудностей. Их развитие затрудняли волонтаризм и субъективизм, решительно осужденные партией. Но в самой деревенской жизни всегда шла успешная борьба за социалистические отношения людей.

При обращении к прошлому колхозной деревни нельзя проходить и мимо трудностей объективных. Одни из них были связаны с самими процессами перехода к новым формам хозяйства, к новой организации и воспитанию принципиально новых качеств у тружеников земли. Другие трудности порождала война, в которой деревня была воюющим тылом, тем более крепким, что это был колхозный тыл.

Поэтому правдивые книги о деревне далеки от благостных, идиллических повествований. Но они далеки и от растерянности, бесперспективности, испуга перед «лыковской закваской», от изображения деревенской жизни как неподвижности и застоя.

При всех своих сложных перестройках колхозная деревня — в пути, в развитии. Изолированный подход к ней анахроничен. Как раз очень важно видеть, чувствовать, понимать усложнившиеся связи деревни со всем современным миром, ее движение, укрепление в ней коллективистических традиций.

